

— Пару дней назад мы не смогли понять значение этой буквы «D», решив, что это просто набор бессмысленных человечков из палочек. Но если предположить, что этот нижний человечек — беременная женщина, то, если смотреть сверху вниз, он нарисовал целый процесс, — Линь Фэйши увеличил фотографию на экране. — Здесь два человечка стоят рядом, ничего особенного. Затем, ниже, два человечка лежат на земле. И, наконец, вот этот беременный человечек.

Линь Фэйши посмотрел на него:

— Ты понял, что означает этот рисунок?

На лице Цзян Пэйи не осталось ни капли крови — даже Южный Ветер, видевший множество проявлений человеческой жестокости, на мгновение почувствовал, что не может поверить в это. Предположение выходило за пределы понимания человеческой природы.

Линь Фэйши тихо продолжил:

— Почему в приюте Юшань только дети до 16 лет? Куда деваются те, кто старше? Мы исследовали этот приют, и большинство детей там в возрасте от 14 до 16 лет, как раз в период полового созревания. А куда исчезают те, кому больше 16?

Куда деваются дети, выросшие в приюте Юшань?

Губы Цзян Пэйи слегка дрогнули:

— Они не возвращаются в общество после совершеннолетия, а переводятся для «развития» других целей.

— Беременная женщина наводит на мысли о новорожденных, — Линь Фэйши постучал пальцем по столу, направляя мысли Цзян Пэйи. — Кстати, когда я работал в Управлении провинции, я сталкивался с делом о преступной группировке, действовавшей в бедных деревнях. Родители продавали новорожденных детей «покупателям», которые не могли иметь своих, под видом «усыновления». Насколько я знаю, здоровый мальчик «стоил» от восьмидесяти тысяч, и спрос превышал предложение.

— Эти дети часто находили своих «покупателей» еще в утробе матери. Высчитывали примерное время родов, и после рождения ребенка связывались с «покупателями» для «получения товара», — Линь Фэйши говорил без изменения интонации. — В нашей стране много бесплодных пар, и такие люди обычно выбирают усыновление. Но усыновление ребенка в более старшем возрасте не сравнится с воспитанием с самого рождения. Некоторые извращенцы даже любят «игру в воспитание», ты понимаешь, о чем я.

Глотка Цзян Пэйи сжалась. Его пустой желудок, не получавший обеда, сжимался от спазмов. Ему хотелось вырвать. Даже перед лицом разлагающихся трупов и самых кровавых сцен он не чувствовал такого отвращения.

Цзян Пэйи знал, что в приюте Юшань может скрываться какой-то грязный заговор, но он не предполагал, что он будет настолько мрачным и отвратительным...

Сяо Чжэн умер, когда ему было всего шестнадцать... Всего шестнадцать.

Зрачки Цзян Пэйи слегка дрожали. Он тихо произнес:

— Ты хочешь сказать, что Гун Цзяньхэ выращивает этих детей, а когда они достигают возраста, способного к деторождению, заставляет их... вступать в отношения, чтобы девочки беременели, а затем продает новорожденных детей?

Линь Фэйши опустил глаза и холодно усмехнулся:

— Гун Цзяньхэ унаследовал приют Юшань от своего дяди Гун Цзянье. Он не был основателем. Сколько времени существует эта цепочка, я даже не могу представить.

С какого момента приют Юшань начал вести двойную игру? Сколько невинных жертв было за эти двадцать с лишним лет? Разве дети в приюте не пытались сопротивляться?

...Нет, они не могли сопротивляться, потому что Гун Цзяньхэ воспитал их такими, какими хотел видеть.

Девочки, прыгающие через скакалку в приюте, выглядели такими беззаботными. Когда они проводили расследование, одна из девочек сказала Линь Фэйши: «Иногда мы смотрим, как играют старшие братья и сестры, но мы еще маленькие и не можем играть с ними».

Тогда эти слова не вызвали никаких подозрений, но теперь их истинный смысл вызывает ужас: во что играли «старшие братья и сестры»? «Мы еще маленькие»...

— Приют Юшань — это изолированный остров. Большинство детей остаются там с раннего возраста, их мировоззрение еще не сформировано, они не знают, как защитить себя. То, чему учит их Гун Цзяньхэ, становится их единственной системой ценностей, — пробормотал Цзян Пэйи. — Если с детства их постоянно учить, что «я должна рожать», «женщинам не нужно защищать себя», «отношения с противоположным полом — это нормально»... Они даже не поймут, что это неправильно. Возможно, они даже... будут рады этому.

Линь Фэйши опустил голову, потирая переносицу. Его голос был хриплым:

— В таких делах один в поле не воин. Сяо Чжэну было шестнадцать... В шестнадцать он уже был достаточно зрелым, чтобы оплодотворить женщину. Если Гун Цзяньхэ заставил его вступить в отношения с «будущей матерью», а по какой-то причине Сяо Чжэн не подчинился, как другие дети, не поддавался промыванию мозгов Гун Цзяньхэ, а отказался быть «машиной для производства»... Он даже понимал, что это неправильно, что это противозаконно, и попытался сопротивляться —

— Но его сопротивление было слишком слабым. Среди всех этих детей он был единственным, кто пошел против течения. Никто не мог его понять, никто не слушал его. Все были последователями Гун Цзяньхэ... Гун Цзяньхэ не убил его, но, опасаясь, что он раскроет секрет, сломал ему руку, чтобы он не мог писать, не мог говорить, не мог общаться с внешним миром...

Цзян Пэйи не мог продолжать. Его способность к сопереживанию всегда была низкой, но даже он не мог представить, как Сяо Чжэн жил в одиночестве и беспомощности в приюте Юшань, что его заставляли делать, и каково было его состояние, когда он оставлял эти кровавые свидетельства.

И, наконец, все рухнуло.

Сяо Чжэн проглотил ключ от комнаты 0816 и через год принес правду о приюте Юшань.

Пять лет назад, приют Юшань.

— Ешь быстрее, я слышала, что сегодня придут старшие братья.

Девочка с косичками сидела на полу, вытирая пальцем следы супа из капусты.

Сяо Чжэн запихнул в рот кусок булочки и рассеянно спросил:

— Какие старшие братья?

— Не знаю, наверное, те, кто был здесь раньше. Я слышала от Ли Ли, — девочка хлопнула в ладоши и встала. — Ешь быстрее, скоро уроки!

Сяо Чжэн кивнул, доел булочку с солеными овощами и вышел с девочкой, чтобы присоединиться к другим детям.

Примерно через двадцать минут из офиса вышла воспитательница. Это была девушка лет двадцати, которая мягко спросила:

— Дети, вы пообедали?

— Да, сестричка, мы поели!

Воспитательница взяла за руку одного из детей:

— Хотите посмотреть, как играют старшие братья и сестры?

— Хотим!

Воспитательница улыбнулась, оглядела их и повела группу шумных детей к комнате с табличкой «0816». Она открыла дверь —

На каменной кровати сидели двое, парень и девушка. Услышав, что кто-то вошел, парень встал и сказал:

— Сестра Юй.

Сестра Юй кивнула:

— Лань Нин, это дети, которые впервые пришли на урок. Ты и Сяо Цянь научите их.

Девушка по имени Сяо Цянь сказала:

— Малыши, учитесь хорошо. Это то, что вам предстоит делать в будущем. Те, кто не научится, будут наказаны!

Сестра Юй облокотилась на стену, наблюдая, как Лань Нин и Сяо Цянь начали целоваться, снимая с друг друга одежду, пока не остались полностью обнаженными.

Дети в комнате с любопытством смотрели на них — у них не было чувства стыда, потому что с детства их учили, что «одежда нужна только для других». В комнате можно быть голым, дети в приюте — друзья, и они могут «играть» с друзьями.

Тогда никто не понимал, что этот «урок» означал для них. Это стало началом их неизбежной трагедии.

Это тяжелая история.

<http://bllate.org/book/17716/1655745>